

Казавшийся прежде непосильным путь возвращения души так просто распахнулся перед Жун Фэном и Бянь Хуном. В храме цзышу-ной людей было немного - меньше двух десятков. Все они собрались сюда из окрестных деревень и посёлков; среди них были женщины всех возрастов, от юных до глубоких старух. Глядя на них, словно можно было увидеть всю жизнь цзышу-ной от расцвета до заката.

Если бы не та связь матери и сына, завязавшаяся в горах Мэмэн на грани жизни и смерти, мать Жун и сама должна была бы быть одной из них. Теперь же это тоже можно было назвать возвращением к корням, опавшим листом, нашедшим свою землю.

Старшая бабушка из храма, лишь раз взглянув на Жун Фэна, сразу поняла: это пришёл сын Цуйфэн. О нём здесь кое-что слышали и прежде. А теперь согласие принять его было основано на простой вещи: старшая бабушка считала, что сын, воспитанный Цуйфэн, не может быть плохим. Они доверяли не Жун Фэну, они доверяли матери Жун.

В храме убрали помещения, приготовились встретить душу, и с Жун Фэном условились: на следующий день он спустится с гор с телом матери, и её похоронят за храмом, на небольшом южном склоне, обращённом к северу, там, где из поколения в поколение находили последний приют цзышу-ной.

Ли-санлан не ушёл. Поначалу он стоял в стороне, украдкой поглядывая из любопытства, но, увидев, что Жун Фэн и Бянь Хун, обменявшись с цзышу-ной всего несколькими словами, уже договорились о «возвращении» старой матери Жун, не выдержал и, потирая руки, встрял в разговор:

— А почему бы по обычаю не устроить поминальный стол? Иначе старуху как-то неприглядно провожают, выходит не по-сыновнему это.

Жун Фэн даже не удостоил его взглядом, но сёстры из храмовой общины были не из тех, кто станет молча глотать подобные речи. Особенно молодые, уж они-то точно не собирались уступать на словах. Впрочем, иначе и быть не могло: будь они терпеливыми и покорными, разве смогли бы они когда-то принять решение не выходить замуж и уйти в храм?

— У нас в храме свои порядки, — холодно ответила одна из них. — Нам решать, как быть. Тебя это вообще касается?

Следом выступила другая женщина - по виду деловая, резкая, не из тех, кто станет подбирать слова. Она прямо ткнула пальцем Ли-санлану в лицо и выругалась:

— Ли-санлан, думаешь, я тебя не знаю? Совсем житья не стало, да? Ну что, поминальная трапеза тебе богатство принесёт или сразу в люди выбьешься? Чужих в непочтительности упрекаешь, а сам-то кто? Ты бы лучше помочился, хоть в луже отражение увидел! Зерно у тебя есть, на себе не экономишь, а твоя мать с голодухи уже травяные корешки выкапывает. Тьфу!

В голодный год и живым-то порой нечего было есть, и женщины из храмовой общины вовсе не хотели, чтобы сын Цуйфэн устраивал поминальный пир - это было бы для него лишь лишним бременем. Потому они и решили сразу, без обиняков, отвадить Ли-санлана жёсткими словами.

Выслушав поток брани, Ли-санлан помрачнел, лицо у него пошло пятнами - то бледное, то багровое. Но ведь в голодный год почти у всех так: если крепкий работник станет есть меньше, подорвёт здоровье, то чем весной землю пахать? А там уж и вся семья может остаться без хлеба.

Получив выговор и не извлекая никакой выгоды, он больше не стал лезть в это дело. Эти цзышу-ньюй были слишком остры на язык и не знали, что такое церемонии и стеснение, с ними было непросто. Он тут же развернулся и ушёл, неизвестно, к кому теперь понёс сплетни.

Бянь Хун же был по-настоящему удивлён и с искренним уважением посмотрел на женщину, что так резко отчитала Ли-санлана. И одновременно он окончательно понял, почему мать Жун, дожив до последних дней, всё равно хотела вернуться в храм. Храм цзышу-ньюй был отдельным миром, способным вместить женщин с самыми разными характерами и острыми гранями. Здесь каждая женщина могла быть самой собой.

На рассвете следующего дня, когда на краю неба лишь начала проступать бледная полоска света, а ночной иней, осыпавшийся шорохом, ещё не успел растаять, Жун Фэн уже всё приготовил и, взвалив на спину мать Жун, двинулся вниз с горы. После недолгого покоя её тело утратило прежнюю скованность и вновь стало мягким, а холодная погода сохранила его чистым и опрятным, словно она всего лишь ненадолго задремала на спине сына и, проснувшись, снова улыбнётся ему так же, как прежде.

Жун Фэн шёл в траурных одеждах, с матерью на широких плечах, будто нёс на себе все прожитые вместе двадцать с лишним лет. Он опустил голову и шаг за шагом двигался вперёд, и каждый шаг был возвращением в прошлое. Среди деревьев, покрытых белыми от инея кристаллами, мать и сын медленно проходили сквозь застывший горный лес.

Бянь Хун, ведя за собой Юаньдина и Гуаньбао, тоже облачённых в белые траурные повязки, молча следовал за мужчиной, сопровождая Жун Фэна вниз с горы - через лес, прочь от чащи, навстречу деревне.

Эти дети уже понимали, что означает смерть, слишком много смертей им довелось пережить: и близких, и совершенно чужих людей. Более того, Юаньдин, уловив на теле матери Жун тот же запах, что когда-то исходил от отца, словно заранее предчувствовал этот исход. Он молчал, ничего не говорил, но с той поры обращался с матерью Жун особенно бережно, словно боялся спугнуть её.

И вот теперь, когда они наконец дошли до деревни Шаньюй, у входа их уже ждали люди, но не женщины из храма цзышу-ньюй, а несколько крепких молодых мужчин. Бянь Хун поначалу решил, что что-то пошло не так: возможно, снова нашлись желающие воспрепятствовать погребению матери Жун. Однако первым заговорил стоявший впереди парень с простодушным,

честным лицом:

— Ну... это... меня отец послал... помочь яму выкопать.

Кроме него, никто не осмеливался открыть рот. Остальные парни держались настороженно, украдкой поглядывали и явно сторонились Жун Фэна.

Жун Фэн поднял голову и посмотрел на того простоватого парня. Он много лет не возвращался в Шаньюй, большинство людей здесь его уже не знали, а те дети, что когда-то казались знакомыми, давно выросли и переменились до неузнаваемости. Но стоило парню ухмыльнуться, обнажив шрам на щеке, как в памяти Жун Фэна что-то щёлкнуло. Этот мальчишка в детстве жил неподалёку от его дома и обычно шарахался от него, как мышь от кошки. Когда другие, постарше, ребята собирались и швыряли в него камни, он и тогда не решался поднять руку, лишь прятался сзади.

Потом однажды этот парень по какой-то причине свалился в ручей, и Жун Фэн, проходя мимо, просто вытащил его на берег. С тех пор тот стал тайком ходить за ним следом, до тех пор, пока однажды на них не налетела дикая собака, размером с телёнка. Жун Фэн сцепился с ней, а мальчишка всё-таки кинулся помогать, но в суматохе он сам нечаянно задел его ножом, изуродовав лицо. После этого тот больше никогда за ним не ходил.

Тогда Жун Фэн даже вздохнул с облегчением: какой-то человек с неясными намерениями, постоянно маячащий за спиной, был опасен. Как говорил его учитель, нельзя позволять тем, чьи мысли неведомы, целиться тебе в спину.

Теперь, спустя столько лет, это можно было назвать встречей после долгой разлуки, но Жун Фэн никак не отреагировал на напряжённые взгляды окружающих и молча понёс мать дальше, к храму.

Бянь Хун, держа на руках Гуаньбао и ведя за руку Юаньдина, оглянулся на парней и вежливо кивнул им. Тот простоватый парень почесал затылок, неловко кашлянул:

— Э... ну... невестка, вам помощь нужна? Нам с вами идти?

Бянь Хун уже собирался ответить, но это обращение «невестка» сбило его с толку. Он на мгновение задумался, переваривая услышанное, а потом всё же кивнул:

— Буду признателен за помощь. Только зовите меня Минь Си.

По здешнему обычаю, близкие не копали могилу собственными руками, этим занимались крепкие мужчины из той же деревни. А с тех пор, как он непостижимым образом оказался в этом мире, Бянь Хун предпочитал верить в существование всех духов, богов и горных существей. К тому же земля уже была скована плотным зимним морозом, и если бы за дело

взялись женщины из храма, им пришлось бы очень нелегко.

Когда они добрались до храма, заранее оговорённый гроб уже был доставлен. Его Жун Фэн приготовил ещё год назад: кедр он сам срубил в горах, покрыл чёрным лаком, и потому гроб получился прочным и тяжёлым. Эти похороны прошли без плача. Когда Жун Фэн засыпал последнюю горсть земли, женщины-цзышу-нью украсили строгий, однообразный надгробный камень только что сложенными из бумаги красивыми цветами.

Они не скорбели о смерти, это больше походило на проводы. Всё равно, спустя годы, когда от тела останется лишь пригоршня земли, сёстры снова соберутся здесь, на этом обращённом к солнцу склоне.

Лишь Жун Фэн, когда все разошлись, продолжал сидеть у могилы матери в одиночестве. Ему предстояло учиться отпускать - отпускать то небольшое тепло, что и так едва удерживалось в его жизни.

Алый закат свернулся в многослойные багряные облака на дальнем краю неба. Закат тихо озарял кладбище, место, где жизнь и смерть тесно переплелись.

Бянь Хун, помедлив мгновение, всё-таки шагнул к Жун Фэну. Он ничего не сказал, просто сел рядом с мужчиной и вместе с ним поднял взгляд к закатному небу. Это был первый раз, когда они так спокойно остались наедине. В отличие от прошлого, когда между ними словно пролежала непреодолимая пропасть, теперь они сидели так близко, что Бянь Хун ясно ощущал - в теле мужчины дрожит сдерживаемая скорбь.

Когда последние отблески заката погасли и с неба посыпался мелкий снег, Юаньдин и Гуаньбао, размахивая зонтиками из промасленной бумаги, которые им дали тётушки и старшие сёстры, взобрались на пригорок и тонкими детскими голосами позвали их домой ужинать.

В храме они не задержались. Юаньдин и Гуаньбао - дети, и женщины-цзышу-нью полюбили их с первого взгляда, так что готовы были оставить малышей у себя и растить их всем храмом. Но Жун Фэн и Бянь Хун всё-таки были мужчинами, а в доме цзышу-нью никогда не существовало обычая оставлять мужчин на ночлег. И потому, пользуясь ночной темнотой, ступая по тонкому слою снега под ногами, они вернулись в горы.

В дороге дети всё-таки устали. Жун Фэн ничего не сказал, просто протянул руки и посадил на спину и Юаньдина, и Гуаньбао. Двое ребятишек, которые сначала ещё ёрзали и побаивались, теперь уже крепко спали на спине старшего брата; Гуаньбао даже тихонько посапывал. Этот снег был уже не таким, как в начале зимы: он больше не таял, а плотно укрывал землю ровным покровом, предвещая наступление настоящих морозов и вместе с тем приближение Нового года.

Бянь Хун на скорую руку приготовил ужин, но Жун Фэн ел совсем мало. Ночью они лежали рядом, разделённые лишь уснувшими детьми, и каждый думал о своём.

О будущем. О том, как жить дальше и куда идти.

Бянь Хун ясно понимал: договор, когда-то оценённый в пятьдесят цзиней проса, вероятно, подошёл к концу. Он остался здесь лишь ради того, чтобы исполнить последнюю волю матери Жун. Теперь же, когда её не стало, он утратил причину задерживаться в этом месте.

Что до регистрации домохозяйства - переделать её можно когда угодно, в конце концов, вовсе не обязательно жить вместе. Но он ничего не сказал, лишь ждал, пока решение примет мужчина, лежащий рядом. Ему было немного не по себе от мысли оставить этого человека одного, совсем одинокого. И всё же он понимал: он и сам мужчина. Он не настоящий Минь Си, не сможет родить детей, не станет чьей-то женой. Не будучи подходящей парой, не стоит занимать чужое место.

Бянь Хун повернул голову, через раскинувшиеся во сне детские руки и покрасневшие лица посмотрел на грудь мужчины, мерно поднимающуюся и опадающую в такт дыханию. И будто почувствовав этот взгляд, Жун Фэн спустя некоторое время, уже когда Бянь Хун решил, что тот уснул, вдруг заговорил:

— Завтра я пойду патрулировать горы. А вы оставайтесь здесь.

Бянь Хун на мгновение растерялся. Сегодня только что выпал снег, каким же теперь будет Мэмэн? Идти через лесное море, когда вокруг всё серебряно-белое; хищные птицы и звери, отвесные скалы, скрытые подо льдом потоки; видимость мутная, негде разбить лагерь, ни лекарств, ни помощи, ни тыла, ни подвоза...

— Когда ты вернёшься?

Мужчина долго молчал, словно и не собирался отвечать, но спустя время всё-таки произнёс:

— Не знаю.

На этом разговор будто оборвался. Бянь Хун подумал: что значит без срока возвращения?

Это было похоже не столько на обход гор, сколько на отказ от человеческого жилья и уход обратно, к тем горам, где он вырос, словно подчиняясь инстинкту бегства. Он был похож на воздушного змея, затерявшегося среди людей, а мать Жун была той самой нитью, что удерживала его. Человеческие чувства, казалось, не допускают подлинного взаимного понимания. Бянь Хун не мог заглянуть в мысли и сердце этого человека, но всё равно невольно строил догадки.

А на следующий день Жун Фэн начал собираться. В отличие от прошлого раза, когда он уходил в горы с самым простым снаряжением, теперь он словно взял с собой всё необходимое, аккуратно завернул вещи в узел и крепко привязал его за спиной.

Он не стал завтракать и уже собирался уходить. Накинул плащ из звериных шкур, надел шляпу, которую почти никогда не снимал, и необычные разноглазые глаза скрылись в тени под полями.

Но едва он сделал шаг за порог, как его окликнул тихий голос сзади:

— Подожди!

Шаги Жун Фэна остановились. Он обернулся и посмотрел на юношу, всё ещё худощавого, по-прежнему не склонного к близости и лишним словам.

— За фруктовыми деревьями, в домике с помостом, — сказал Жун Фэн ровно, — лежат ещё два мешка зерна. На случай нужды.

Сказав это, он уже собирался отвернуться. Но юноша шагнул вперёд.

— В этот раз я пойду с тобой.

— Что?

— В прошлый раз ты вернулся с гор раненым, — спокойно продолжил он. — А в снегу ещё опаснее. Когда людей двое, есть кому подстраховать.

Мужчина долго стоял в растерянности.

— Обход горы - это уход вглубь Мэмэн. Там опасно.

— А в одиночку тебе не опаснее?

Бянь Хун счёл это платой за дни сытой и тёплой жизни, а ещё последним исполнением того, о чём просила мать Жун перед смертью. После этого, когда они разойдутся каждый своей дорогой, ему, возможно, будет легче смириться.

Жун Фэн не нашёлся с ответом. Он машинально провёл рукой по краю колчана на поясе.

— А дети?

— Если надолго - поживут у семьи Минь. Если ненадолго - в обители цзышу-нью.

С учётом связи с матерью Жун, женщины-цзышу-нью относились к Юаньдину и Гуаньбао как к

родным внукам. А два ребёнка, с малых лет лишённые материнской ласки, тянулись к ним искренне и легко. По сравнению с домом Минь, им, пожалуй, куда больше хотелось быть именно там.

Бянь Хун больше не стал дожидаться ответа мужчины, а сразу зашёл в дом и принялся собирать вещи. Он разбудил двух детей, ещё тёплых и сонных под одеялом, и сказал им, что на какое-то время пойдёт с Жун Фэном в горы. Малыши, конечно, не хотели расставаться с братом Си, но стоило сказать, что он пойдёт вместе с их старшим братом на обход гор, как Юаньдин неожиданно понимающе кивнул. В их глазах это было совсем не то же самое расставание, что прежде. Каждый раз, когда старший брат уходил в горы, он возвращался, и возвращался не с пустыми руками: с жирным, вкусным диким кабаном, с кисло-сладкими горными плодами, а если уходил с братом Си в уезд, то обязательно приносил им сахарных человечков.

Разлука больше не означала страх и боль. Она стала напоминать сладкий вкус карамели, густой аромат тушёного мяса, освежающую кислинку лесных плодов. Разлука начала не пугать, а вселять ожидание следующей встречи.

Так у входа в горы Мэмэн, где прежде всегда появлялся одинокий мужчина, на этот раз рядом с ним оказался ещё один чуть ниже ростом. С поклажей за плечами они шли один за другим, и их фигуры постепенно растворялись в бескрайних, суровых горах.

В горах лиственный лес уже сбросил покров под осенним ветром. Листья, вернувшись в землю, были припорошены тонким слоем снега, чтобы к следующей весне стать питанием для нового роста и завершить круг жизни. Лишь сосны, даже укрытые снегом на вершинах, по-прежнему выдавали свою мощную, узловатую зелень.

Бянь Хун шагал за женщиной, следуя по ущелью, шаг за шагом углубляясь в горное сердце. Путь впереди был всё так же неизвестен, но теперь он не напоминал изнуряющее бегство за жизнь. По крайней мере, его дети были в безопасности. Перед уходом Жун Фэн собственноручно отнёс два мешка зерна в храм цзышу-ньюй, оставив там Юаньдина и Гуаньбао на попечение старшей наставницы. Они договорились, что примерно через полмесяца он вернётся.

Перед расставанием Юаньдин ещё раз наказал Жун Фэну беречь брата Си, а Гуаньбао выразился куда проще - он, хихикая, размахивал ручонками, точно птенец крылышками, и заявил Жун Фэну:

— Большой брат, Гуаньбао ещё хочет есть свинину.

С тех пор как они вошли в горы, настроение мужчины словно стало светлее. Он старался вести Бянь Хуна по более ровным склонам; кое-где снег и вовсе был сдут горным ветром, и обнажалась мягкая, золотистая листва, устилавшая землю.

Чем глубже они уходили в горы, тем чаще Бянь Хун замечал зверей. Иногда на краю снежного

поля мелькала и тут же исчезала огненно-рыжая лисица, иногда с верхушек деревьев с шумом взлетали фазаны и дикие птицы. Однажды он собственными глазами увидел, как орёл камнем рухнул с небес над лесом - стремительный, яростный, словно стрела, сорвавшаяся с тетивы, и когтями подхватил кролика, не успевшего даже понять, что произошло...

Он шёл осторожно и настороженно, но среди этой безбрежной горной глуши постепенно начал отпускать внутреннее напряжение.

Погода, однако, была переменчива: утром небо ещё сияло без единого облака, а к полудню вдруг повалили густые хлопья снега. Жун Фэн прикинул рельеф и направление хребта и понял, что до следующего места для привала ещё далеко. Снег же всё усиливался, и Бянь Хун постепенно начал ощущать усталость: каждый шаг требовал буквально выдёргивать ноги из сугробов, лишней раз расходуя силы. Бянь Хун уже подумал, что, пока ещё светло, стоит найти подходящее место и вырыть снежное укрытие, чтобы спрятаться от ветра и сохранить тепло, но Жун Фэн сразу отверг эту мысль.

— Сейчас снег рыхлый, — сказал он. — Дунет ветер, и всё обвалится.

— Тогда... что делать?

Жун Фэн опустил взгляд на следы на снегу и, неожиданно легко, почти весело произнёс:

— Идём за мной.

И так, ещё до наступления темноты, Бянь Хун впервые в жизни вместе с Жун Фэном оказался прижатым плечом к плечу в гуще обезьяньей стаи, согреваясь среди живых тел.

Золотистые обезьяны были стройными и красивыми, но их породу Бянь Хун определить не мог. Он лишь видел, как вожак стаи, обнюхав обоих, словно по какому-то чудесному наитию позволил сбившимся на земле для тепла обезьянам расступиться, образовав проход. И тогда Жун Фэн, потянув Бянь Хуна за собой, протиснулся внутрь.

Так, в самой глубине заснеженного горного леса, под бесконечно сыплющимся снегом, окружённые теплом живых тел небольшой стаи, они пережили лютую ночную стужу.

Гора Мэмэн приоткрылась перед Бянь Хуном, позволив увидеть крошечный фрагмент своей тайны.